

Глава 4. АНАРХИЗМ И СИНДИКАЛИЗМ В ДРУГИХ РЕГИОНАХ ПЛАНЕТЫ

Широко распространено представление о том, что анархизм и синдикализм обрели популярность в первую очередь только в «латинских» рабочих культурах Европы и Америки. Между тем это расхожее мнение не соответствует истине. Либертарное и синдикалистское движения развивались не только в «нероманских» государствах Европы, но также в англосаксонских странах и на Востоке. Правда, в этих регионах они имели свои особенности, которые в значительной мере определялись местными условиями и традициями.

Революционное профсоюзное движение в США и британских доминионах

«Течение Индустриальных Рабочих Мира следует... считать чисто-синдикалистским крылом АнархоСиндикализма, ибо ИРМ. в своих декларациях и брошюрах не обозначают ясно и открыто полную ненужность и отрицание государства при осуществлении организации и распределения производства через Соты Индустриальных Раб(очих) Мира, принцип, лежащий в основе анархо-Синдикализма.

Александр Шапиро,
видный российский анархо-синдикалист [1].

В США и британских доминионах в начале XX века сложилась особая форма синдикалистского движения — революционный, или индустриальный, юнионизм. Его возникновение и распространение связано с образованным в 1905 г. в США революционным профцентром, получившим название Индустриальные рабочие мира (ИРМ). Позиция и практика ИРМ имела как схожие черты с европейским революционным синдикализмом, так и отличия от него.

Подобно революционным синдикалистам Европы, ИРМ провозглашали принцип массовой борьбы, исходя из того что «рабочий класс и класс эксплуатирующий ничего общего между собой не имеют». Это противостояние будет продолжаться до тех пор, «пока рабочие всего мира не сорганизуются как класс, не овладеют землей и орудиями производства и не уничтожат институт наемного труда». Рабочая организация, по мысли ИРМ, должна стремиться как к борьбе за повседневные права и интересы трудящихся, так и за уничтожение капитализма: «Армия производителей должна быть сорганизована не только для повседневной борьбы с капиталистами, но также и для организации производства, когда капитализм будет свергнут. Организуясь индустриально, мы создаем ячейки нового общества под оболочкой старого строя» [2]. Таким образом, экономическая организация трудящихся рассматривалась как орган управления производством и распределением в будущем свободном обществе — «индустриальной республике». Социалистическое общество, по мнению ИРМ, должно было состоять из производственных рабочих союзов, без всякого «политического государства» [3].

Как и революционные синдикалисты, ИРМ декларировали свою независимость от политических партий, хотя не отрицали их как таковые [4]. В качестве методов борьбы они признавали тактику прямого действия.

Однако на этом сходство с европейским революционным синдикализмом заканчивалось. Совершенно иной характер имела форма организации ИРМ. Федерализму, который сближал синдикализм с анархистскими принципами, ИРМ противопоставляли концепцию «Единого большого союза» (ЕБС) всех рабочих, независимо от их профессии.

Организация ИРМ мыслилась не как федерация профессиональных или отраслевых союзов, а как единый рабочий союз. Он состоял из отраслевых союзов, которые объединялись в шесть департаментов: сельского хозяйства, земельных, рыбных и водных продуктов; горного дела; строительства; фабричного и общего производства; транспорта и связи; общественных служб. На отдельных предприятиях эти департаменты были представлены

группами, объединяющими работников всех специальностей и профессий. Общая политика организации определялась голосованием всех членов ИРМ («уоббли»). Они же избирали всех официальных лиц общей административной, которая координировала работу отраслевых департаментов [5]. Высшим исполнительным органом ИРМ было Генеральное исполнительное бюро. Предполагалось, что после победоносной всеобщей стачки оно будет играть роль экономического правительства.

Другое отличие от революционного синдикализма носило скорее идейный характер. В европейском синдикалистском движении значительную роль играли анархисты, которым впоследствии, после Первой мировой войны, удалось добиться отказа от тезиса об идеологической «нейтральности» профсоюзов. В ИРМ также имелись анархистские активисты, но решающие позиции занимали приверженцы марксистских взглядов.

В течение 1910-х годов ИРМ пережили бурный рост и распространили свою деятельность и на другие страны мира. В США, Канаде, Австралии и Чили они превратились в массовое движение и смогли наложить отпечаток на рабочее движение в Южной Африке, Аргентине, Мексике, Перу, Великобритании и на международное движение моряков. ИРМ играли активную роль в проведении забастовок за повышение зарплаты и улучшение условий труда, массовых сидячих забастовок, в деле профсоюзной организации безработных, мигрантов и иммигрантов [6].

В США Индустриальные рабочие мира возглавили борьбу против участия страны в Первой мировой войне. Летом 1917 г. они организовали крупнейшую в истории США стачку в лесной промышленности (на Северо-западе): она была объявлена «изменой» и подавлена. Репрессии нарастали. «По всей стране преследовали активистов ИРМ, вываливая их в дегте и перьях в Оклахоме, депортируя из Аризоны, арестовывая и отдавая под суд за “измену” в Чикаго... — вспоминала американская анархистка Эмма Гольдман. — Наиболее возмутительным было, конечно же, двойное убийство Фрэнка Липла, руководителя ИРМ, и одного товарища, который, к своему несчастью, носил немецкую фамилию. Фрэнк Литгл был инвалидом. Бандиты в масках похитили его среди ночи из его жилища в Монтане и увезли к железной дороге, где повесили. С другим иностранным врагом поступили таким же образом... Введение в действие закона о шпионаже имело результатом то, что гражданские и военные тюрьмы переполнились. Билл Хейвуд (лидер ИРМ. — В.Д.) был приговорен к 20 годам тюремного заключения, а 10 активист_ов ИРМ — к заключению сроком от года до 10

лет» [7].

В 1917—1918 годах большинство членов американского руководства организации было в 1918 году было бы крайне неразумно со стороны "уоббли" открыто заявлять миру о своей принадлежности к ним, — отмечал исследователь американского рабочего движения Л. Адамич. — Те, которые вернулись на работу в лесах, спрятали свои профсоюзные удостоверения в тяжелых башмаках. Движение было загнано в подполье. Они встречались в потаенных местах и посылали свои заработки семьям людей, убитых во время стачек или сидевших в тюрьмах. Только в нескольких крупных городах... они еще держали открытыми свои дома и профсоюзные бюро [8].

В соседней Канаде, где также имелись отделения ИРМ (в 1911 г. в них состояли 10 тысяч рабочих [9]), их деятельность была официально запрещена в 1914 г. с началом мировой войны. Она возобновилась лишь в 1918—1919 годах.

В США после войны ИРМ попытались продолжить организовывать забастовочных выступлений. Летом 1919 г. они возглавили стачку в Сиэтле, которая распространилась также на Канаду и стала всеобщей в Ванкувере и Виннипеге. В последнем городе в ней приняли участие 30 тысяч рабочих. Выступление было подавлено, многие лидеры арестованы и отданы под суд за подрывную деятельность, некоторые иммигранты высланы из Канады [10]. В том же 1919 г. ИРМ вели упорные стачки металлистов в Пенсильвании. Они также были подавлены.

Активизация «уоббли» и общий рост рабочего движения побудили власти нанести по ИРМ новый удар. В конце 1919 — начале 1920 г. по распоряжению министра юстиции США М.Пальмера по всей стране были произведены массовые полицейские рейды и облавы, направленные против «радикалов», в том числе активистов ИРМ. Тысячи человек были арестованы, многие высланы из страны. К 1920 г. в тюрьмах США находилось две тысячи членов ИРМ [11]. Силы организации в Северной Америке были подорваны. От этих репрессий она так никогда и не оправилась.

В идейном плане Индустриальные рабочие мира не последовали за послевоенной эволюцией европейского революционного синдикализма к анархо-синдикализму. Более того, многие из их видных лидеров примкнули к коммунистам. Так, Билл (Уильям) Хейвуд, освобожденный из тюрьмы после войны, в 1919 г. вступил в Коммунистическую рабочую партию США, а в 1921 г. эмигрировал в Советскую Россию [12].

В Канаде на волне антивоенного движения и выступлений против введения принудительного труда и всеобщей воинской повинности во время войны было образовано новое радикальное «индустриалистское» профобъединение — Единый большой союз (ЕБС).

Его учредительная конференция состоялась в марте 1919 г. в Калгари. В ЕБС вошли прежде всего независимые профсоюзы шахтеров и рабочих лесной промышленности, однако он приобрел существенную поддержку и во многих низовых организациях официальных союзов.

Преамбула к конституции союза провозглашала неизбежность классовой борьбы и призывала трудящихся готовиться к замене производства ради прибыли производством,

направленным на удовлетворение потребностей. Всеобщая стачка характеризовалась как средство конфликта на производстве, но не как способ социальной революции и свержения капитализма. Предусматривалось наиболее последовательное объединение трудящихся всех профессий в единые организации по географическому признаку.

В реальности ЕБС оказался довольно разнородным образованием. Многие местные профсоюзы всех видов с Запада Канады просто стали направлять делегатов в рабочие Советы союза. В июле в него вступил союз лесорубов Британской Колумбии, объявивший себя после этого общеканадским отраслевым союзом. Присоединилось также большинство локалов Западной федерации шахтеров в Британской Колумбии и 18-й округ Объединенных рабочих шахт Америки. Шахтерские локалы сохранились в прежнем виде, просто стали платить взносы и направлять делегатов в Союз В Виннипеге и Ванкувере возникли местные рабочие Советы ЕБС, пользовавшиеся определенной автономией. Число членов к концу 1919 г. колебалось, по разным данным, между 40 и 70 тысячами. Попытки создать организации в Центральной Канаде, морских провинциях и США не увенчались успехом [13].

ЕБС был основан на альянсе неквалифицированных рабочих, занятых в горном деле, на транспорте и лесном деле, с квалифицированными рабочими — железнодорожниками и металлургами Виннипеге. В организационном отношении ЕБС отрицал деление на союзы по профессиям и стремился к созданию общего союза всех рабочих, невзирая на их профессию или отрасль, либо в смешанных локалах, либо в центральных рабочих Советах в более крупных городах. Правда, внутри ЕБС имелись сильные движения за выделение отраслевых союзов, особенно среди лесорубов в Британской Колумбии и Северном Онтарио. Однако ядро ЕБС признавало только общие рабочие союзы. В тактическом отношении ЕБС выступал за прямое действие, массовые стачки и рабочую солидарность. Политически он отвергал умеренный парламентаризм профсоюзов Восточной Канады в пользу смеси социалистической тактики и радикальной политики. Союз выступал против политических партий [14]. Но преобладающим влиянием в объединении пользовались социалисты.

Еще в процессе создания организации по инициативе его сторонников вспыхнула всеобщая стачка в Виннипеге. 1 мая прекратили работу металлурги, недовольные отказом предпринимателя от заключения коллективного соглашения. 15 мая к забастовке присоединились почти все трудящиеся города (40 тысяч человек). Забастовочный «Комитет 300», представлявший 100 профсоюзных организаций, взял на себя снабжение населения и поддержание порядка. Бастующие добивались 8-часового рабочего дня, права на организацию профсоюзов и заключение коллективных договоров. Происходили открытые столкновения с предпринимателями и созданным ими «Гражданским комитетом». Выступление в Виннипеге нашло поддержку по всей стране. В Ванкувере 60 тысяч рабочих участвовали в стачках солидарности, в городах Саскачевана прошли почти всеобщие забастовки, в Торонто июня бастовали 1200 предприятий, стачки солидарности охватили Квебек. Движение развивалось стихийно, вопреки воле руководства официальных профсоюзов.

Власти арестовали членов стачечного комитета в Виннипеге, рабочих активистов, включая Р. Б. Расселла, и использовали 21 июня армию и войска. 26 июня забастовочный комитет прекратил забастовку. Многие активисты были отданы под суд, некоторые иммигранты

высланы из страны. Рабочим удалось все же добиться сокращения рабочей недели с 55 до 50 часов и признания цеховых комитетов [15].

Предприниматели стремились игнорировать новое рабочее объединение, предпочитая заключать соглашения с официальными профсоюзами. Весной 1919 г. шахтеры Альберты провели множество стачек, добиваясь признания ЕБС, но предприниматели, поддержанные канадским правительством, настояли на своем, и к 1921 г. организации ЕБС в этом районе исчезли.

В последующие годы силы ЕБС стали сокращаться. Он так и не пытался организовать всеобщую стачку и сохранил влияние только среди рабочих лесной промышленности, некоторых шахтеров, трамвайщиков Виннипега и телефонных операторов Саскатуна. В 1920 г. из него вышел 12-тысячный союз лесорубов, недовольный отказом лидеров ЕБС допустить существование отраслевых союзов в рамках индустриального юнионизма в духе ИРМ, и ряд других профессий. Экономический кризис 1921—1922 годов и преследования предпринимателей нанесли по нему новые удары. Союз покинули сторонники коммунистов во главе с Джо Найтом. Разрыв произошел в феврале 1922 г. после того, как лидер союза Р.Б. Расселл выступил на съезде Канадской компартии с критикой партийной линии на участие в официальных профсоюзах. К концу 1922 г. в ЕБС оставалось около пять тысяч человек, главным образом в Виннипеге. Ему удавалось пополнять кассу, организуя лотереи и спортивные соревнования. В 1924 г. в него вернулись шахтеры Новой Шотландии, но ненадолго [16].

В североамериканском «индустриалистском» движении также шла борьба по вопросу о международной ориентации. Сторонники коммунистов добивались вступления в Профинтерн. В 1921 г. делегаты ЕБС и ИРМ приняли участие в работе конгресса Профинтерна. Один из представителей ЕБС Гордон Каскаден примыкал к «анархистскому крылу» своей организации и отказался участвовать в голосовании. Другой делегат Дж. Найт был коммунистом. Представитель ИРМ вначале поддержал связь с Профинтерном, но после

возвращения из Москвы изменил свою позицию] [17]. В конечном счете Индустриальные рабочие мира, действовавшие в США и Канаде, отказались присоединиться как к Профинтерну, так и к анархо-синдикалистскому Интернационалу. XIV конгресс ИРМ (конец 1922 г.) высказался за нейтралитет в отношении международных профсоюзных объединений. Газета «Индастриал солидарити» в довольно резком тоне заявила, что организация дает отрицательный ответ «на приглашение как синдикалистов, так и коммунистов присоединиться к их цирку», и напомнила, что одобрение Берлинской синдикалистской конференцией в июне 1922 г. методов саботажа и насилия препятствует присоединению ИРМ к синдикалистам и Интересно, что представление части руководства ИРМ о недопустимости саботажа в том виде, как его пропагандировали европейские синдикалисты, отнюдь не разделялось многими рядовыми членами организации. Как свидетельствует [18]. Адамич, «первоначально, в 1912 и 1913 годах "уоббли" считали, что машины надо разрушать только непосредственно перед забастовкой, чтобы штрейкбрехеры не смогли на них работать. Однако около 1920 г. ИРМ... перешли к тому, чтобы "разбирать" машины и в нормальном трудовом процесссы [19].

В Австралии первые клубы ИРМ были созданы в 1907 годом по инициативе левых социалистов [20]. Между 1911 г., когда в Аделаиде был под влиянием из Чикаго открыт их первый локал, и до 1917—1918 годов организации ИРМ существовали почти во всех крупных промышленных центрах Австралии. В отличие от США и Канады, австралийские «уоббли» работали в существовавших профсоюзах, стремясь добиться их перехода на позиции ИРМ. Небольшое число членов австралийских ИРМ (1 тысяча) и их сущная распыленность не позволили им создать параллельный профцентр [21]. Важнейшим орудием пропаганды ИРМ стало издание «Дайрект экшн» — с 1914 г. ежемесячника, а с 1915 г. — еженедельной газеты. Каждую неделю продавалось не менее 15 тысяч экземпляров печатного органа ИРМ, общий тираж порой достигал, вероятно, 45—50 тысяч [22].

Австралийские «уоббли» вели борьбу против реформистского тред-юнионизма, выступали против арбитражной системы рассмотрения трудовых конфликтов и участия рабочих в парламентской деятельности, критиковали лейбористскую партию. «Впервые за всю историю рабочего движения в Австралии, писала «Дайрект ЭКШН», — газета заявляет, что отстаивает принципы прямых действий, осуществлению которых препятствуют благопристойные теории парламентаризма, как революционные, так и всякие другие» [23].

Члены ИРМ сумели на непродолжительное время убедить многих активистов профсоюзов Австралии в правильности принципов и тактики ИРМ и добиться значительного распространения революционно-юнионистских идей в австралийском рабочем движении. Они вели успешную агитацию за объединение профсоюзов на отраслевой основе, считая это шагом к модели ЕБС. Агитация «уоббли» привела, в частности, к объединению шахтерских союзов различных штатов, рабочих мясной промышленности Квинсленда и т.д. Некоторые из таких объединенных профсоюзов приобретали синдикалистские черты. Симпатии к ИРМ среди австралийских рабочих усиливались благодаря их активной солидарности с забастовочным движением, например стачками стригалей и шахтеров Брокен-Хилла в 1916 г.

С Австралийские ИРМ решительно выступили против Первой мировой войны и против планов правительства доминиона ввести всеобщую воинскую повинность. Они распространили множество антивоенных и антимилитаристских пропагандистских материалов, и сумели убедить в своей правоте профсоюзное руководство страны и значительную часть лейбористской партии. Развернутая рабочими организациями кампания привела к тому, что в 1916 г проект введения воинской повинности был отклонен на общенациональном референдуме [24]

Антивоенная позиция ИРМ навлекла на нее жесткие репрессии со стороны властей. В 1915 г. были осуждены 24 участника кампании «уоббли» за свободу слова, а также — за распространение революционного плаката — редактор печатного органа Том Баркер. В 1916 г. он снова был заключен в тюрьму за публикацию антивоенных материалов. В начале года один из лидеров клуба ИРМ в Сиднее Луис Клаусен был осужден за выступления против воинского набора, но был освобожден досрочно в сентябре. Перед референдумом о воинской повинности были арестованы и отданы под суд 12 ведущих активистов ИРМ. Их обвинили в государственной измене, бунте и заговоре с целью организации поджога. Семеро из них были приговорены к 15 годам заключения, четыре — к 10 годам, один — к пяти. Осужденные были освобождены после многочисленных протестов лишь в 1920—1921 годах. Кроме того, двое человек были повешены в связи с делом об убийстве полицейского в Топенхеме, которое также пытались связать с делом двенадцати активистов ИРМ.

Правительство объявило Индустриальных рабочих мира незаконной ассоциацией, что сильно осложнило их работу. Стало невозможно рассылать «Дайрект экшю» по почте, пришлось отправлять ее в отдельных закрытых письмах, пока в 1917 г. она не прекратила выходить. Усилилась полицейская слежка за активистами. Следующим шагом властей стала депортация многих активистов и членов ИРМ. В середине 1917 г. законодательство против ИРМ было ужесточено [25].

Несмотря на преследования, ИРМ активно участвовали во всеобщей стачке, начавшейся 2 августа 1917 г. с забастовки 1 100 трамвайщиков мастерских «Рэндвик» против введения правительством новой системы индустриальной организации труда — «системы Тейлора». Выступление стремительно расширялось на весь Новый Южный Уэльс. К началу сентября в ней участвовали до 68 тысяч рабочих. Власти обвинили ИРМ в организации стачки, а бастующих — в подрыве военных усилий и заговоре. Они наняли штрейкбрехеров, приступили к арестам рабочих активистов и объявили стачком вне закона. В начале сентября, столкнувшись с ультиматумом со стороны правительства, стачком, состоявший из профсоюзных лидеров, капитулировал. Многие трудящиеся не желали подчиняться этому решению и продолжали борьбу. Фактически возобновить работу в промышленности и на транспорте удалось только через месяц. Шахтеры вернулись на работу 3 октября, моряки и докеры — 18 октября [26].

Стачка стала предлогом для новых преследований «уоббли». В августе 1917 г. Баркера снова отдали под суд. 10 человек, включая его, были приговорены к 6 месяцам тюрьмы и депортации. Реально он пробыл в тюрьме до середины 1918 г. Затем его вместе с семью другими активистами, включая трех британцев, выслали из страны [27]. Высылки продолжались и в дальнейшем.

Государственные репрессии подорвали влияние австралийских ИРМ и нарушили их организационную жизнь. Ослаблению и постепенному исчезновению «уоббли» в Австралии способствовал и переход многих из их ведущих активистов (включая Баркера, Фримэна и др.) на сторону Коммунистической партии. Попытки начать выпуск газеты ИРМ предпринимались в 1921 г. еще несколько раз в течение 1920-х годов. Так, в 1928 г. сообщалось, что синдикалисты смогли возобновить издание еженедельника «Дайрект экшн». Однако сохранить издание не удалось [28].

Поражение всеобщей забастовки на непродолжительное время стимулировало синдикалистские настроения в профсоюзах. Планы создания австралийского ЕБС выдвигались еще в 1916 г.; тогда же был образован комитет, которому поручили разработать схему организации. В него вошли профсоюзные активисты, включая членов Лейбористской и Социалистической партий. В основу плана, утвержденного в 1918 г. Советом труда (высшим комитетом профсоюзов страны), была положена структура американских ИРМ. В августе 1918 г. план создания ЕБС был одобрен конгрессом профсоюзов Нового Южного Уэльса в Сиднее, затем конгрессами других штатов и, наконец, Общеавстралийским конгрессом профсоюзов в Мельбурне.

Принятое решение предусматривало создание единого Союза индустриальных рабочих Австралии и одобрение Декларации принципов, которая включала типичные для ИРМ положения о непримиримости интересов классов и неизбежности классовой борьбы, о революционной ликвидации частного и государственного капитализма и замене его экономической организацией трудящихся. Для создания ЕБС все профсоюзы должны были одобрить эту идею на референдуме. Секретарь ЕБС стал рассылать письма с призывом собирать средства в фонд пропаганды и приступать к распространению его издания.

Однако план создания нового профцентра так и не был осуществлен. Лишь одна организация — Федерация шахтеров, одоблив его, изменила свое название на «Союз индустриальных рабочих Австралии, отдел шахтеров». Все другие профсоюзы под давлением своего умеренного руководства либо выразили несогласие с этим планом, либо фактически саботировали его. От ЕБС осталась лишь маленькая инициативная группа, которая время от времени обращалась к профсоюзам с просьбой организовать новое голосование [29]. Эта группа, по оценке Секретариата анархо-синдикалистского Интернационала, была к нему «близка по своим целям и методам борьбы» [30].

В Новую Зеландию идеи ИРМ проникли вместе с рабочими активистами, приехавшими или вернувшимися в страну из США, Великобритании и Австралии. У истоков движения стояли левые социалисты, раздраженные парламентским уклоном партийных лидеров. В 1908 г. возникли первые клубы ИРМ. С позиций революционного юнионизма выступила и Новозеландская федерация шахтеров, образованная после успешной забастовки 1908 г. На следующий год федерация объединилась с союзами портовых и транспортных рабочих и была преобразована в Новозеландскую федерацию труда, ставшую известной под названием «Красной федерации» (КФ). Новое объединение понимало себя как своего рода Единый большой союз и находилось под сильным влиянием идей ИРМ и синдикализма, а в 1912 г. приняло программу, заимствованную у американских «уоббли». Однако на практике федерация оказалась смесью старых консервативных профессиональных и новых

отраслевых союзов. Руководство федерации лавировало между революционной политикой и «чисто» профсоюзной работой. КФ критически относилась к партиям, выборам и парламентской борьбе, но не отвергала такую деятельность полностью, а некоторые ее лидеры были избраны депутатами парламента.

В начале 1912 г. в КФ состояли 43 профсоюза с 15 тысячами членов, из них болсс 10 тысяч — шахтеры, стригали и портовые рабочие. Социалисты — противники политики стали все более активно критиковать руководство за бездеятельность и сионность к политическому действию. Особенно острый характер приобрел конфликт в Окленде, где стачка муниципальных рабочих потерпела поражение из-за недостаточной поддержки со стороны федерации. После этого ее руководство начало терять доверие рабочих, а влияние и ряды ИРМ стали расти. Клубы и отделения ИРМ после 1918г. действовали в Веллингтоне, Крайстчерче, Окленде и других городах. Активисты новозеландских «уоббли» стремились работать в существовавших профсоюзах, возглавляли рабочее движение в Окленде и Хантли.

В 1912 г. власти и предприниматели подавили многомесячную упорную забастовку шахтеров золотых рудников в Ваихи. ИРМ поддержали выступление, но КФ не сделала почти ничего, чтобы ему помочь. Прекращение стачки и последовавшие репрессии («черная неделя») вызвали еще большее недовольство среди рабочих в отношении профсоюзного руководства. В этих условиях представители ИРМ не были приглашены на объединительную конференцию рабочего движения в январе 1913 г., провозгласившую создание Объединенной федерации труда (ОФТ). По настоянию умеренных, из преамбулы ОФТ были исключены положения, заимствованные у американских ИРМ.

Новозеландские «уоббли» начали в 1913 г. издавать газету «Индастриал юнионист». Они пытались оказывать влияние на независимые профсоюзы и рядовых активистов ОФТ, а в октябре приняли энергичное участие в «великой стачке» портовых рабочих, которая переросла затем во всеобщую забастовку. Однако и это выступление было подавлено. Ведущих лидеров ИРМ выслали в Австралию, другие развернули работу в объединениях рабочих, добывающих камень на Северном острове, стригалей и других сельских специальностей. После Первой мировой войны новозеландское рабочее движение оказалось под контролем лейбористов и коммунистов; многие активисты ИРМ вступили в 1921 г. в Коммунистическую партию. В 1920-х годах от революционного юнионизма в стране не осталось и следа» [31].

В Южной Африке первая секция ИРМ возникла в 1910 г. под влиянием местных левых социалистов и британского синдикалиста Тома Манна. В 191 г. южноафриканские «уоббли», объединявшие преимущественно белых рабочих, возглавили успешную забастовку работников трамваев в Йоханнесбурге. Но организованная ими в 1912 г. новая стачка была подавлена. Положение усугублялось внутренней борьбой между сторонниками различных социалистических групп, и деятельность организации оказалась парализованной. Хотя воздействие некоторых идей ИРМ ощущалось во время крупной забастовки рабочих Витватерсранда в июле 1913 г., к январю 1914 г. деятельность этого революционного объединения в Южной Африке прекратилась [32].

Возрождение движения было связано с образованием в сентябре 1915 г. Интернациональной социалистической лиги (ИСЛ). В организацию вошло большинство прежних лидеров ИРМ. Она включала преимущественно белых рабочих и иммигрантов из Европы, но занимала последовательно интернационалистские позиции, выступала против расизма и мировой войны [33]. Во взглядах активистов ИСЛ, игравших важную роль в профсоюзном движении страны, причудливо смешивались марксистско-социалистические и синдикалистские идеи. В центральном органе лиги «Интернейшнл» пропагандировалась цель создания Единого большого союза рабочих, который «преодолеет границы специальностей, расы и пола» и уничтожит капитализм посредством «локаута капиталистического пасса». ИСЛ издавала многочисленные листовки, проводила публичные митинги и даже выдвигала кандидатов на выборах на платформе равных прав для белых и черных и ликвидации капитализма и государства посредством Единого большого союза. Однако среди ее членов были и противники выборов. В изданиях лиги публиковались не только марксистские тексты, но и произведения Кропоткина [34].

В отличие от ИРМ первой половины 1910-х годов, ИСЛ удалось развернуть широкую работу среди чернокожих и цветных трудящихся Южной Африки. В июле 1917 г. в Йоханнесбург начали создаваться «исследовательские группы» ИСЛ, в состав которых входило много чернокожих рабочих. Главным докладчиком в этих группах был бывший лидер ИРМ в стране Эндрю Данбар, который постоянно обращал внимание слушателей на необходимость революционного тред-юнионизма, массового гражданского неповиновения расистским законам и устранения капиталистической системы. В сентябре 1917 г. «исследовательская группа африканских рабочих» ИСЛ в Йоханнесбурге трансформировалась в «Индустриальные рабочие Африки» (ИРА). Это объединение, первоначально называвшееся также ИРМ, стало первым профсоюзом чернокожих рабочих в истории Южной Африки. ИРА установили связи с левым крылом основной организации коренного населения — Африканского национального конгресса в Витватерсранде, что привело в 1918 — начал 1919 г. к беспрецедентной волне забастовок черных и белых рабочих. ИРА оказали влияние на некоторых лидеров черных националистов конца 1910-х годов — Тальбота Уильямса (Африканская народная организация), Л. Т. Мвабаса и Д. Летанка (АНК). Когда в июне 1918 г. были осуждены 152 бастовавших черных муниципальных рабочих, АНК организовал в Йоханнесбурге массовую демонстрацию протеста, на которой ИРА призвали к проведению всеобщей стачки африканских рабочих Витватерсранда. Подготовительный комитет был образован АНК, ИСЛ и ИРА. Рабочие требовали прекращения репрессий, ПОВЫШЕНИЯ зарплаты и прекращения расовой сегрегации. Был проведен крупный митинг, но организационная слабость и отсутствие опыта вынудили комитет отменить забастовку. Тем не менее правительство арестовало восемь активистов (по 3 члена ИСЛ и ИРА и 2 члена АНК) за «подстрекательство» к публичному насилию. Это был первый в Южной Африке политический многорасовый ПРОЦССС. В марте 1919 г. активисты ИРА Реубен Сетиве и Гамильтон Крааи играли ведущую роль во время кампании АНК против введения закона о паспортах. Благодаря усилиям члена ИСЛ ТВ. Тибеди, ряды ИРА пополнились несколькими сотнями членов и сторонников. После переезда Сетивс и Крааи в Кейптаун там также было основано отделение ИРА. В декабре 1919 г. ИРА вместе с двумя другими профсоюзами — Союзом промышленности и торговли и белым Национальным союзом служащих железных дорог и гаваней — организовали забастовку докеров. В выступлении участвовали две тысячи рабочих, которые требовали увеличения зарплаты и прекращения экспорта

продовольствия. В Ндабсни, черном пригороде Кейптауна, Сетивс и Крааи привлекли к забастовке АНК. Стачка потерпела поражение, но послужила развитию основ сотрудничества между рабочими. В 1920 г. Индустриальные рабочие Африки принимали активное участие в других крупных стачках чернокожих рабочих.

В Дурбане активисты ИСЛ основали в марте 1917 г. Индийский рабочий индустриальный союз, также вдохновлявшийся примером ИРМ. Был создан индийский рабочий хор, исполнявший песни ИРМ; материалы ИРМ переводились на индийские языки. Основными организаторами профсоюза стали Р. К. Муши и Бернард Сигамони. В 1918 г. отмечалось «огромное пробуждение индустриальной солидарности» среди цветных рабочих алмазных рудников в Кимберли, куда ИСЛ направила для организации рабочих Сэма Барлина. Тот основал индустриальный союз рабочих по одежде, который в июне 1919 г. создал отделение в Йоханнесбурге. К ИСЛ примкнуло 27 цветных рабочих, в том числе Фред Пьснаар (секретарь профсоюза) и Джонни Гомас (позже известный коммунист). Барлин создал также в 1918 г. в Кимберли союз извозчиков из цветных рабочих. Оба профсоюза устраивали забастовки в течение 1919 г.

Вышедшие из Социал-демократической федерации революционные синдикалисты АЗ. Берман, Мануэль Лопес и Джо Пик создали весной 1918 г. в Кейптауне на основе декларации принципов ИРМ новую группу под названием Индустриальная социалистическая лига. Она основала цветной индустриальный союз рабочих по производству сладостей и джема и организовала отделение в черном гетто Кейптауна. Группа пропагандировала идеи ИРМ в своей ежемесячной газете «Большевик» и выступала против участия в выборах. Организация активно действовала в официальных профсоюзах Кейптауна. Видную роль в профсоюзном движении играли активисты лиги Фрэнк Гласс (в Союзе портных), Берман (казначей Федерации профсоюзов Капской провинции), Ф. Лопес (председатель Союза трамвайных рабочих Кейптауна). Они пытались превратить свои профсоюзы в социалистические многорасовые организации. Но добиться перехода южноафриканских профсоюзов на позиции революционного синдикализма им так и не удалось; [35].

В 1921 г. по инициативе секретаря Южноафриканского союза рабочих шахт Перси Фишера был образован Совет действия горняков. В него входили четыре фракции: революционные юнионисты из ИСЛ, объявившие о своем переходе на позиции Коминтерна, Африканерский союз горняков, выступавший против британских колонизаторов, за «белую республику», умеренная Лейбористская партия и остатки бывшей синдикалистской сети ИРМ. Синдикалисты выдвинули лозунг «Красной или Синдикалистской рабочей республики». Стачка была начата рабочими различных отраслей, включая шахтеров-угольщиков из Южноафриканской индустриальной федерации, к которым затем примкнули горняки-золотодобытчики, инженеры, энергетики. Правительство Смэтса оказало шахтовладельцам военную помощь, ввело военное положение и распорядилось открыть шахты. После провала переговоров, Совет действия горняков побудил южноафриканские профсоюзы объявить всеобщую стачку. Одиннадцать тысяч работников золотодобывающей промышленности Витватерсранда провозгласили «Красную синдикалистскую рабочую республику». Над предприятиями, захваченными рабочими, было поднято красное знамя. Рабочие отряды, организованные Советом действия, заняли Йоханнесбург и также подняли над городом красные флаги. В выступлении участвовали в основном белые рабочие. Правительство

заявило, что началось вооруженное восстание, и бросило против забастовщиков армию и авиацию. 14 марта 1922 г. войска взяли штурмом штаб-квартиру забастовщиков в Бенони. 153 человека были убиты, 850 брошены в тюрьму по обвинению в государственной измене, 18 приговорены к смертной казни, но только четыре казнены. Два других лидера забастовки якобы «покончили с собой» [36].

В 1921 г. Интернациональная социалистическая лига сделала свой идеологический выбор и присоединилась к Коминтерну. К коммунистам примкнули также члены Индустриальной социалистической лиги и большинство других революционно-юнионистских активистов Южной Африки. Определенные элементы прежних воззрений еще сохранялись некоторое время в Африканском союзе работников промышленности и торговли, который был создан в 1921 г. Индустриальными рабочими Африки, Союзом промышленных и торговых рабочих и несколькими другими профсоюзами. Организация призывала к созданию Единого большого союза и восприняла ряд положений Декларации принципов ИРМ, однако в целом в ней доминировала идеология черного национализма.

Подводя итоги развитию революционного юнионизма начала XX века, можно, таким образом, констатировать, что в большинстве стран, где он возник под влиянием ИРМ, к 1920-м годам это движение сошло на нет. Оно смогло удержаться лишь в США и Канаде, причем в значительно ослабленном виде. Исключение составили лишь ИРМ Чили, но там они возникли и действовали под влиянием анархистских идей.

Анархизм и рабочее движение на Востоке

« Со всей очевидностью, идеи Кропоткина, переведенные, переваренные, обработанные и переработанные, будучи доведены до крайностей, составили стержень, если не самую сердцевину идеологической ориентации анархистского и профсоюзного движения. Это характерно... не только для Японии, но то же самое можно обнаружить и в таких соседних странах, как Китай и Корея.

Филипп Пеллетье,
исследователь истории японского анархизма [37].

История анархизма и анархо-синдикализма в странах Востока в целом мало известна за их пределами. Те немногие зарубежные историки, которые обратились к этой теме, единодушно отмечают большие трудности в ее изучении. Главным фактором здесь, пожалуй, следует считать то, что восточные либертарианцы не уподоблялись в рамки тех мифов и представлений, с помощью которых «победители истории» в этом регионе земного шара (либеральная демократия, с одной стороны, и идеология компартий, с другой) стремились узаконить свою победу [38]. Тем не менее исследования доказывают, что анархисты и анархо-синдикалисты стояли во многих азиатских странах у истоков социалистического

движения и нередко не уступали по силе и влиянию своим марксистским конкурентам либо даже временами превосходили их. Они смогли наложить на рабочее движение свой особый, чрезвычайно яркий отпечаток. Причину этого следует, видимо, искать в особом характере восточных обществ начала XX века — в ожесточенном сопротивлении ОБЩИННЫХ социальных и идейных структур вторжению капитализма и беспощадной модернизации. Анархистские идеи — более чем где-либо — стали знаменем этого сопротивления. «Нет никакого сомнения в том, что надежды Кропоткина на систему децентрализованных коммун, соединяющую поле, фабрику и мастерскую на коммунистической основе, затронули самые чувствительные струны глубоко сельского и коллективистского азиатского общества, отмеченного почти коммунистическими практикой и ценностями ирригационного рисоводства, — справедливо замечал французский исследователь Ф. Пеллетье. — Кропоткинство воплощало в себе ответ на переход от китаизированной цивилизации к современности, возвращая технический и научный прогресс на основы собственной идентичности, освобожденной от феодального, патриархального и бюрократического гнета» [39]. Психологии и мироощущению ОБЩИНЫ, которая, как это описал знаменитый японский писатель Кэндзабуро Оэ, воспринимала себя как «деревню-государство-микрокосм», противостоящую центральной власти и живущую по собственным правилам [40], была близка идея самоуправляющейся и в основном самообеспечивающейся коммуны.

Анархистские идеи стали распространяться в Японии в самом начале XX века. Их утверждение в общественном сознании связано с деятельностью виднейшего японского либертарного социалиста Котоку Сюсуй, казненного в 1911 г. вместе с девятью товарищами по обвинению в подготовке покушения на императора [41]. Более или менее систематическая пропаганда анархизма и революционного синдикализма среди японских рабочих началась в 1913 г., когда Осуги Сакаэ, Мураки Гэндзиро, Арахата Кансон и ряд других либертарианцев основали «Группу по изучению революционного синдикализма», проводившую публичные собрания и способствовавшую распространению синдикалистских представлений. Осуги призывал к созданию рабочего движения, которое должно было не ограничиваться только борьбой за материальные интересы, но добиваться и полного освобождения и самореализации человеческой личности. В качестве методов борьбы Осуги и его товарищи предлагали прямое действие [42]. При этом Осуги симпатизировал модели французского синдикализма и созданию отдельных революционных профсоюзов, а Арахата склонялся к индустриальному юнионизму (в духе британского профсоюзного активиста Т. Манна) и к работе в умеренных союзах. В созданную ими группу не входили члены образованного в 1912 г. умеренного профцентра «Юайкай», но его встречи посещали часовщики, печатники, студенты и др. [43]. Велась также печатная агитация против Первой мировой войны и участия в ней Японии. Несмотря на полицейские преследования, удавалось издавать «Газету простого люда». В 1915 г. «Группа по изучению РеВОЛЮЦИОнного синдикализма» была переименована во «Встречу читателей простого люда». Однако в 1916 г. она распалась из-за личных причин. В 1917 г. Осуги вместе с Вадой Хисатаро и рядом других либертарианцев основал новое общество — «Встреча для изучения рабочего вопроса» («Родо МОНДаИ дзаданкай») [44].

Параллельно с группой Осуги действовали и другие. В 1915 г. Ватанабэ Сэитаро, Хисайта Уросукэ и др. создали «Исследовательскую группу», которая также имела тенденцию к анархо-синдикализму. В том же году Сакаи Тосихико приступил к изданию «Син сякай»

(«Новое общество»). В 1916 г. отделившийся от Осуги Арахата стал издавать газету «Родо кумий» («Рабочий союз»), запрещенную после четвертого номера, а в 1917 г. он, Ямакава Хитоси и Ватанабэ вошли в состав руководства издания «Син сякай».

В 1918 г. «Исследовательская группа» и «Встреча для изучения рабочего вопроса» объединились в «Общество северного ветра» («Хокуфукай», название по литературному псевдониму умершего в 1918 г. Ватанабэ). Анархисты вновь попытались организовать выпуск своих периодических изданий: «Родо симбун» («Рабочая газета»; Осуги, Вада, Хисаита и др.) и «Сэй фуку» («Синяя блуза»; Арахата, Ямакава, Кондо Кэндзи), но оба они были запрещены [45]. Издатели «Сэй фуку» были арестованы и приговорены к четырехмесячному заочному с тяжелыми работами. Однако вокруг них сложилось Общество по изучению рабочего движения, которое вело пропаганду индустриального юнионизма в профсоюзах печатников, часовщиков и металлистов «Юайкай» [46].

Первая мировая война вызвала оживление в экономике Японии. Быстрое развитие промышленности привело к росту числа работающих по найму и их активности. Увеличение прибылей предпринимателей и цен не всегда сопровождалось адекватным повышением зарплаты. Японские трудящиеся все чаще прибегали к забастовкам, преимущественно стихийным. Их число с 1916 г. возросло на порядок, а число участников увеличилось с 8 тысяч в 1914 г. до 66 тысяч в 1918 г. [47].

Дороговизна основного продукта питания — риса вызвала в августе 1918 г. массовые волнения («рисовые бунты»), в которых приняли участие до 10 миллионов человек. Эти выступления сопровождались стачками и актами саботажа. Несмотря на их жестокое подавление (до 8 тысяч человек были наказаны) [48], рабочее движение продолжало расти. В 1919 г. в стране произошло около 500 забастовок с более чем 65 тысячами участников [49]. В сентябре 1919 г. бастовало 15 тысяч работников судостроительных верфей в Кобе; им удалось впервые добиться введения 8-часового рабочего дня. Осенью того же года крупные стачки на шахтах Асио и Камаиси сопровождались бунтами; более 100 голодавших бунтарей были арестованы. Синдикалисты организовали кампанию по оказанию им юридической помощи, а затем Арахата был направлен другими профсоюзами на шахты для оказания поддержки рабочим [50].

В течение 1919—1921 годов возникло множество новых профсоюзов, распространились стачки, акции саботажа, крупные демонстрации. В различных профсоюзах состояло около 400 тысяч человек. Забастовки приобрели все более решительный характер. Митинг безработных в Осака принял резолюцию, объявившую единственным способом борьбы с безработицей «разрушение капитализма» [51].

В 1919—1920 годах Осуги, Вада, Кондо и Ито начали издавать газету «Родо ундо» («Рабочее движение»), в которой активно пропагандировали принципы и методы прямого действия. Они организовали отделения группы в Осака (Вада и Ицуми Наодзо), Нагоя (Игуси Эйдзи), Кобе (Ясутани Хирокадзу) и Киото (Окуда Иосиро), вели агитацию в рабочих союзах [52]. Находившийся с января 1920 г. в Осака Арахата выпускал там вместе с Ивадэ Киндзи газету «Нихон родо симбун». Осацкие синдикалисты пропагандировали индустриальный юнионизм в профсоюзах металлистов (2 тысяч членов) и печатников (1 тысяч членов), среди

местных федераций «Юайкай» в Осака и Кобе. В Киото они помогали организовать профсоюзы ткачей, рабочих фабрик фарфора, электриков и печатников. Съезд «Юайкай» в октябре 1920 г. поручил Арахатс возглавить комитет по составлению телеграммы солидарности с бастовавшими печатниками токийской газеты «Хоти». Газета Арахаты стала фактически печатным органом левого крыла профсоюзного движения региона Кансай (района Осака — Киото), отсечения «Юайкай» в Киото и профсоюза рикш Осака (2 тысяч члснов), а сам он был назначен функционером профцентра в Киото. Было организовано общество «Труд и свобода», объединившее до двухсот социИистичсски настроенных рабочих, которое в сентябре 1920 г. провело серию публичных митингов в Киото, Осака и Кобе. В этот период стали происходить ожесточенные стычки с профашистскими группами, нападшими, в частности, в ноябре 1920 г. на конференцию печатников Киото [53]. Конфликты между трудящимися и предпринимателями ожесточились с конца 1920 — начала 1921 г., когда заработки стали сокращаться и хозяева стали пытаться отобрать прежние уступки.

Подъем рабочего движения и радикализация настроений рабочих существенно изменили облик крупнейшего профцентра страны «Юайкай». Если вначале организация ориентировалась на социальное партнерство и сотрудничество с властями, то в послевоенный период она эволюционировала к социалистическим взглядам. К весне 1922 г., по оценке лидера коммунистов Катаямы Сена, наиболее сильными позициями в профцентре обладали анархисты (анархо-коммунисты), с одной стороны, и сторонники парламентского социализма и массового сотрудничества, с другой [54]. При этом профцентр включал в себя рабочие союзы самой различной направленности: реформистские, социалистические, анархистские. Под влиянием революции в России в нем появилось и пробольшевистское крыло. Анархисты пользовались существенным влиянием в районе Токио и во всем восточном промышленном районе Канто (вокруг Токио). На VII съезде профцентра (1919 г.) анархисты, сплотившись вокруг делегатов от профсоюза металлургов Токио Такады Вайцу и Ямамото Кэндзо, предлагали решения, направленные против парламентаризма и на принятие принципа всеобщей стачки. В октябрс 1920 г. на съезде в Осака им удалось заблокировать включение в устав требования о всеобщем избирательном правс [55]. На этом форуме «Юайкай» официально отказалась от лозунга сотрудничества между трудом и капиталом и приняла принципы массовой борьбы и прямого действия [56].

Все больше усиливалось анархистское влиянис среди печатников, образовавших в 1916—1917 гг. свой профсоюз «Синьюкай».

Возглавляемый Мидзунумой Татуо и его соратниками, этот союз приобретал все более анархистскую направленность. Летом 1919 г. в Токио состоялась первая забастовка печатников 16 газет, которой активно помогали либсртари и синдикалисты (Арахата и др.). После нее был образован профсоюз печатников газет «СЭЙСИНКай» во главе с Фурукавой Кэй, Ватануки Хоно и др. Он стал наиболее радикальным из японских рабочих союзов и также ориентировался на анархистов. В этих союзах состояли соответственно 1,5 тысячи и 1 тысяча членов [57].

Правительство пыталось подавить анархистскую агитацию. Так, в 1919 г. в Киото были арестованы Ямага Тадзи и другие активисты, издавшие нелегально книги Кропоткина и

Котоку. В 1920 г. правые группы развернули травлю Морито Тацуо, заместителя профессора Токийского университета, который опубликовал в первом номере академического «Экономического журнала» статью «Исследование социальной мысли Кропоткина»; ученый был уволен с работы. Но либертарное движение ширилось.

В 1920 г. рабочие организации Японии впервые публично отметили День Мая. В Токио 5 тысяч рабочих приняли участие в демонстрации под красными и черными флагами. Организаторами шествия выступили 15 рабочих организаций. В связи с первомайскими выступлениями 9 профсоюзов Токио организовали региональную федерацию — Лигу рабочих союзов («Родо кумиай домэйкай»), в которой преобладающим влиянием пользовались анархисты [58]. В нее вошли 14 организаций, включая отделение «Содомэй» и «Синьюкай» [59]. Возникла также региональная лига профсоюзов в Кансае, в которую вступили 14 организаций. Механики пяти паровозных станций в Токио создали свой профсоюз, но он был вскоре разгромлен правительством [60].

В то время как в стране в 1919—1920 годах распространились выступления с требованием введения всеобщего избирательного права, в рабочем движении с 1920 г. все больше доминировали синдикалисты, критически относившиеся к парламентаризму [61]. В 1920 г. бастовали металлисты предприятия «Соноикс» в Токио, угольщики порта Мэйдзи, механики завода «Адати» в Токио, металлисты «Японской железодельной компании» (январь), металлисты Явата, работники токийского трамвая, металлисты Осака (февраль), рабочие-электрики завода «Сибатура» в Токио (март), текстильной фабрики «Фудзи» в Токио (две недели в июле), печатники газет в Токио (сентябрь; длилась 20 дней), работники одежного отдела магазина «Мицукоси» (декабрь) и т.д. Крупнейшим выступлением стала стачка, организованная 10-тысячным профсоюзом токийских трамвайщиков, который находился под влиянием анархистов и синдикалистов. Она продолжалась с февраля по апрель и сопровождалась многочисленными актами саботажа, однако итогом ее стал разгром профсоюза. Месяц продолжалась забастовка 15 тысяч металл истов Я вата; это выступление также сопровождалось актами насилия и кровопролитными столкновениями с профашистскими группами; 63 рабочих были отданы под суд [62].

Рабочие не останавливались перед нарушениями репрессивных законов. За 10 месяцев 1921 г. свыше 174 членов «Юайкай» подверглись арестам в связи с забастовками и другими конфликтами. Как и в ряде других стран, многие анархисты и сторонники российского большевизма в Японии первоначально стремились действовать сообща. В августе 1920 г. была основана «Августовская лига» («Хатигацу домэй»). Между августом и ноябрем прошло 6 подготовительных встреч, которые каждый раз прерывались полицией. Наконец 9 декабря 1920 г. в Токио собралась учредительная конференция Японской социалистической лиги (Нихон сякайсюги домэй). Хотя и ее работа была прервана полицией, создание организации было провозглашено. В лигу вошли представители различных социалистических течений. К ней примкнуло около тысячи членов. Стала издаваться газета «Сякайсюги» («Социалист»); ее редактором был анархист Иваса Сакутаро. Наряду с этим Като Кадзуо и другие активисты создали либертарную группу «Ассоциация свободных людей» [64].

Первым установил контакты с Коминтерном анархист Осуги Сакаэ. В октябре 1920 г. он завязал связи с Дальневосточным секретариатом Коминтерна в Шанхае и получил от него 2

тысяч иен для создания организации в Японии. Однако Осуги не отказывался от своих анархистских убеждений. Он требовал, чтобы в создаваемой международной организации все страновые секции сохраняли автономию, а роль «центра» сводилась исключительно к координации. По возвращении с организованной Коминтерно в Шанхае конференции социалистов Азии Осуги возобновил издание «Родо ундо» [65]. Вместе с ним в газете сотрудничали сторонники большевиков — Ии Кэи (Кондо Эйдзо) и Такацу Масамити. Осуги рассчитывал на совместную борьбу анархистов и большевиков в рамках издания. До 1922 г. анархисты, возглавляемые Осуги, и коммунисты выступали в профсоюзах по ряду вопросов вместе против реформистов [66]. Однако многие другие анархисты (Иваса, Миядзима Сукэо, Такао Хэйбэй и др.) не разделяли надежд Осуги и начали в 1921 г. издание отдельной газеты «Родо ся» («Рабочее общество») [67].

Союз между Осуги и сторонниками большевизма длился недолго. После Кронштадтского восстания анархист резко изменил свое отношение к России, призвав к свержению большевистского правительства. После этого Коминтерн разорвал контакты с ним. В мае 1921 г. Социалистическая лига была официально запрещена. Арахата заявил о своем разрыве с синдикализмом (в статье «Крах СИНДИКИИЗМа») и присоединился к большевизму. Его газета после движения за захват фабрик в Италии летом 1921 г. открыто выступила за коммунизм, против анархо-синдикализма. Из-за конфликтов между анархистами и коммунистами издание «Родо ундо» было через 6 месяцев прекращено [68].

СВ январе 1922 г. японская делегация приняла участие в съезде народов Дальнего Востока в Москве, организованном Коминтерном. Среди японских представителей были не только коммунисты, но также анархисты и синдикалисты, в т.ч. Такао, Вада Киитиро, Китаура Сэнтаро и др. [69]. Видный член «Родо ся» Иосида Хадзимэ заявил в Москве даже о своем переходе на позиции Коминтерна, но по возвращении в Японию взял свои заявления назад [70]. Со своей стороны, Осуги, Вада, Кондо и другие либертарины возобновили в конце 1921 г. издание «Родо ундо», на сей раз уже без сторонников Москвы [71]. В июле 1922 г. коммунисты официально провозгласили создание Компартии Японии (КПЯ). В 1921—1922 гг. внутренняя борьба в «Юайкай» нарастала. Совет труда Кансай раскололся пополам из-за разногласий по вопросу об отношении к движению за всеобщее избирательное право. В апреле—мае 1921 г. из-за конфликта с руководством «Юайкай» произошел разрыв между этим профцентром и Лигой рабочих союзов токио-канто [72]. В ней доминировали анархо-коммунистические и синдикалистские взгляды, но коммунисты развернули внутри этого объединения работу под лозунгом рабочего контроля в ПРОМЫШЛЕННОСТИ и управлении и нового общества на основе рабочих союзов. Им удалось привлечь на свою сторону ряд членов и активистов [73]. Во время Первой в Токио произошли стычки между сторонниками «Юайкай» и анархистских профсоюзов [74]. Летом 1921 г. возник также конфликт между профсоюзами механиков и руководством «Юайкай». Союзы металлистов и электриков Токио настаивали на том, чтобы семь объединившихся союзов механиков присоединились к этому профобъединению, но те воспротивились давлению и оформились в автономную федерацию [75].

Немалое число рабочих активистов в ходе социальных конфликтов стало переходить на анархистские позиции. Такада Вайцу и его товарищи сыграли большую роль во время крупных стачек на верфях «Мицубиси» и «Кавасаки» в Кобэ в июле 1921 г., когда 36 тысяч

судостроителей требовали установления рабочего контроля над производством. Эта группа получила название «радикалов из Цукидзимы», по названию маленького острова в токийском порту, который они хотели превратить в «японский Кронштадт» [76]. Конфликт продолжался более месяца, в ходе его три человека были убиты полицией, 10 ранены, свыше 300 рабочих арестованы, из которых 180 осуждены судом. Это была крупнейшая стачка за всю предшествующую историю Японии, но ценой ее был почти полный разгром федерации «Юайкай» в Кобе.

Другими значительными выступлениями рабочих в 1921 г. стали стачки металлистов «Адати» и «Японской железодельной компании» в Токио, рабочих верфей Хасимото в префектуре Хиого (январь), часовщиков завода «Напфельтц» в Токио, электриков «Соноикс», рабочих медных шахт Асио, цементной фабрики Амагасаки, «Восточной компании шлифовки и медных пластин», Осаки вагоностроительной фабрики (март), «Осаки электрического света» (апрель), рабочих верфей «Фудзинагата» в Осака (май), верфей «Утида» в Иокогаме, медного завода «Сумитомо», сталелитейщиков, завода по изготовлению электропроводов в Осака (июнь), сталелитейщиков и рабочих шинного завода «Данлоп» в Кобе, сахарной фабрики «Формоса» (июль), сталелитейщиков и рабочих верфей «Асано» в Иокогаме (сентябрь), верфей «Исакавадзима» в Токио (октябрь) и т.д. [77]. Остроту рабочим выступлениям придавало широкое использование синдикалистских методов борьбы.

Многие из этих конфликтов носили весьма упорный характер. Так, забастовка 300 работников токийского завода по изготовлению велосипедов и мотоциклов «Адати» была направлена против произвола администрации. Она сопровождалась захватом и разгромом предприятия трудящимися. Хотя четверо участников были арестованы, акт саботажа произвел потрясающий эффект и вынудил владельцев уступить. В доках Иокогамы, где работали 5 тысяч человек, в 1921—1922 годах произошло не менее четырех забастовок с требованием выплаты компенсации при увольнении. В ходе выступлений рабочие выставляли сотни пикетов и вступали в насильственные столкновения со штрейкбрехерами. В итоге владельцы вынуждены были принять требования бастующих, но сменили тактику, начав тихое увольнение активистов [78]. В ходе стачек электриков Осака, в которой участвовали синдикалисты, и на верфях «Фудзинагата» происходили многочисленные акты насилия, столкновения с ультраправыми группами и нанятой предпринимателями охраной [79].

Анархисты принимали участие и в организации крестьянского движения. В 1921 г. по инициативе Фурута Даидзиро было основано общество крестьян-арендаторов в («Косакунинся») [80].

В октябре 1921 г. в X съезде «Юайкай» в Токио участвовали 18 делегатов от 40 отделений и федераций, в которых состояли свыше 30 тысяч членов. Они начали работу с принятия резолюции приветствия и солидарности с рабочими активистами, которые «храбро сражались за низвержение капиталистической системы и по этой причине были брошены в тюрьмы» [81].

Революционное крыло «Юайкай», возглавляемое профсоюзом металлистов, внесло предложение об исключении из программы профцентра требования о всеобщем избирательном праве и воючении в нее принципа общенациональной всеобщей стачки. Эту революцию поддержали профсоюзы электриков, союзы, находившиеся под анархистским влиянием, и коммунисты. Однако она была отклонена (против — 53 голоса, за — 27, за поправки воздержались — 6). Зато единодушно прошла антимилитаристская резолюция с требованием отказа от вооружений. Другие предложения, выдвинутые различными течениями (о создании Совета рабочих комитетов, об издании законодательства о рабочих комитетах на предприятиях, против умеренных требований в коллективных договорах, о посылке рабочих представителей на международную Вашингтонскую конференцию), были взяты назад, а призыв коммунистов о ПРИСОСДИНЕНИИ к Профинтерну даже не был поставлен на обсуждение. Кроме того, делегаты высказались за изменение названия «Юайкай» на новое, которое должно было отражать всеобщий характер профорганизации. Теперь она носила имя «Содомэй» (Японская федерация труда). Лидер «Юайкай» Судзуки был избран на пост почетного председателя, что свидетельствовало об ослаблении его руководящих позиций в организации [82].

Позиции анархистов в рабочем движении укреплялись. Возглавляемая ими революционная организация «Родо ся» («Рабочее общество») к весне 1922 г. объединяла, по признанию Катаямы, свыше 5 тысяч членов и имела ячейки в профсоюзах, в том числе в «Содомэй» [83]. По другим данным, в токийской «Родо ся» состояли 300 членов, а всего отделения этой организации действовали в 16 профсоюзах. Другими анархистскими обществами в 1922 г. являлись: «СС-кай» (действовало в основном в союзах печатников Токио; 50 членов), «Хокуфукай» (50 членов), «Общество черной искры» Токио («Кокуёкай», 100 членов), «Общество красного флага» Токио («Сэйрукай», 100 членов), «Общество черной почты» Токио («Кокухиокай»; 30 членов), «Безымянные общества» («Мумэйкай») в Токио и Киото (по 20 членов), «Декабрьское общество» Токио («Тюнингатуто», 5 членов), «Ассоциация черного флага» Киото («Кокурукай», 70 членов), Федеративная ассоциация рабочих исследований Киото («Родо рэнго канкукай», 25 членов), «Ассоциация массового движения» Киото («Минсюндо ся», 20 членов), «Общество рабочих исследований» Нагасаки и Саганосеки («Родо кенкукай», 30 и 15 членов), «Общество черного флага» Сага («Кокуёкай», 20 членов), Общество рабочих исследований шахтеровугольщиков («Тонкофу родо канкурай», 17 членов) и др. [83].

Под идейным влиянием анархистов находился ряд профсоюзных объединений. Прежде всего, это относится к Лиге рабочих союзов, которая действовала в Токио, Осака и отчасти Киото. Опорой лиги служили токийские анархистские союзы печатников (450—500 членов в 1922 г.) и печатников газет (400—500 членов; печатный орган — ежемесячник «Синью»). Помимо них, в нее входили: Союз часовщиков (270 членов), Союз трамвайных служащих Токио (60 членов), Союз рабочих доков и механиков (2560 членов), Союз металлистов Осака (1 тысяча членов), Союз печатников газет Осака (500 членов), Союз печатников Осака (150 членов), Союз рабочих кораблестроения (220 членов), Союз печатников Киото (80 членов), Союз работников средств связи Осака (180 членов) и Свободный рабочий союз региона Кансай 85. Лига резко критиковала «Содомэй», обвиняя ее в индустриализме, централизме и сотрудничестве с правыми профсоюзами [86].

На 6070 следовала за анархистами токийская Федерация рабочих союзов механиков («Токио кикай родо кумиай рэнго кай»). Она объединяла анархистский «Черный рабочий союз» («Кокусёку родо кумиай», 350 членов), Союз рабочих военного арсенала («Рикуун Генгиоин кумиай», 130 членов), Рабочий союз Хонсиба (450 членов), союз «Кодзинкай» (400 членов), союзы механиков «Кикай гико кумиай» (120 членов) и «Рогикай» (500 членов) и Союз рабочих-вагоностроителей («Какусинкай», 165 членов). Федерация издавала ежемесячник «Железный корабль». Однако преобладание анархистов в этой организации не было безраздельным. До 4070 членов симпатизировали коммунистами [87]. К тому же из-за несхожести профессий и выполняемой работы объединение Федерации механиков и лиги в одну профсоюзную федерацию не представлялось возможным [88].

В свою очередь, коммунисты также укрепляли свое влияние в профсоюзах. В токийской организации «Содомэй» они организовали «Лигу левого крыла», в районе Осака, Кобе и Киото — группу «Авангард». Коммунисты оказывали преобладающее воздействие на активистов левого крыла «Содомэй», которые отказывались внять призывам анархистов выйти из реформистских профсоюзов и немедленно порвать «с правыми группами и сторонниками компромиссов», надеясь на успешную пропаганду в крупных и более массовых рабочих объединениях. В целом в 1922 г. К ПЯ имела ячейки не менее чем в 13 профсоюзах и оказывала преобладающее влияние на «красные» союзы с не менее чем тремя тысячами членов [89].

Послевоенный экономический кризис нанес тяжелый урон рабочему движению. Сокращение производства вооружений положило начало массовым увольнениям, число безработных увеличилось до 200 тысяч человек (870), снижалась зарплата. Профсоюзы стали быстро терять членов. Число рабочих, регулярно плативших взносы в «Содомэй», сократилось с 80—120 тысяч до 40—60 тысяч. В Лиге рабочих союзов Токио из 10 тысяч осталось не более 5—6 тысяч [90].

В начале 1922 г. произошли острые трудовые конфликты на медных рудниках в Асио, шахтах в Огойе, электрической железной дороге Кобе Осака, доках Иокогамы, верфи Асано, на предприятиях Осакской электрической компании, осакских железодельных заводах, заводах медной проволоки «Сумитомо», верфях «Кавасаки», сталелитейных заводах в Муроранс, Осакском арсенале и т.д. Они были вызваны в первую очередь увольнениями активистов и членов профсоюзов и нередко провоцировались самими предпринимателями, чтобы потом разгромить рабочих. Прибегая к локаутам, хозяева смогли нанести трудящимся поражения в большинстве из этих конфликтов [91].

Группировка сил в профсоюзном движении складывалась теперь совершенно иначе. Прежний блок между анархистами и сторонниками компартии был разорван. Лига рабочих союзов и большинство отделений Федерации механиков поддержали Осуги и «Родо ундо» с их призывами к федерализму и автономии рабочих союзов, лидеры «Юайкай» и коммунисты, напротив, добивались объединения профсоюзов на отраслевой основе [92]. Коммунисты пытались в блоке с реформистами остановить рост анархистского влияния. На съезде «Содомэй» в сентябре 1922 г. в Осака они совместно провалили анархистское предложение об отказе от централистского отраслевого принципа и об организации профсоюзов на основе «вольной федерации» и автономии союзов. После этого анархистам пришлось уйти

из «Содомэй» [93].

Анархисты и синдикалисты обвиняли коммунистов и их сторонников в профдвижении в штрейкбрехерстве и попытках сорвать забастовки, которые проходили не под их руководством [94]. В свою очередь, сторонники К ПЯ стремились добиться создания единого профцентра, надеясь таким образом нейтрализовать анархистов. 30 сентября 1922 г. состоялась конференция различных профобъединений для обсуждения вопроса о единстве. В ней приняли участие представители «Содомэй» (св. 10 тысяч членов), Лига рабочих союзов (5,9 тысяч членов), Федерация союзов механиков (2,1 тысяч членов), Союз рабочих Сибаура (2250 членов), Ассоциация свободных рабочих (200 членов), Союз транспортников Запада (480 членов), Союз рабочих военного арсенала «Кодзё кай» (6,5 тысяч членов), Федеративный союз рабочих Тюбу (т.е. Центральной Японии; 200 членов), Свободный рабочий союз Нагоя (50 членов) и Японская рабочая федерация «Са Син ся» (70 членов). Не участвовали во встрече консервативные профсоюзы, такие как Федерация рабочих правительственных предприятий (главным образом военных арсеналов и верфей, 5 тысяч членов) и Союз моряков Японии (вышел из «Юайкай» в 1921 г.; 15 тысяч членов).

Конференция проходила в тяжелой обстановке. Полицейские врываются в зал и мешали ее работе. В конечном счете встреча закончилась провалом, поскольку «Содомэй» и более правый союз «Кодзё кай» настаивали на создании централизованной профсоюзной федерации, а Федерация механиков и особенно Лига рабочих союзов отстаивали принцип «свободной федерации». После неудачи конференции лига предложила механикам организовать самостоятельную федерацию рабочих союзов, но это предложение не было принято [95]. Идейное размежевание в японском рабочем движении завершилось.

Первые группы анархистов Китая были созданы в начале XX века студентами, обучавшимися за рубежом — во Франции и в Японии⁹⁶ еВОЛЮЦИЯ 191 1 г. позволила анархистам действовать открыто. Возникли анархистские организации в Гуанчжоу, Шанхае, Пекине, Нанкине и других городах. Ведущий теоретик китайского анархизма Лю Шифу (скончался в 1915 г.) на страницах издаваемой им с 1913 г. в Гуанчжоу, а затем в Шанхае газеты «Минь шэн» доказывал, что несправедливая общественная организация виновна в бедах и нищете Китая, и только мировая революция может разрушить все существующие власти и предоставить народу свободу. «Наши принципы, — писала газета, — коммунизм, антимилитаризм, синдикализм; мы выступаем против семьи, за вегетарианство, международный язык и всеобщую гармонию. Мы поддерживаем также все научные открытия, которые ведут к прогрессу средств существования человека».

Ликвидация власти и установление коммунизма, писал Шифу, приведут к уравниванию классов и прекращению борьбы за деньги; жизнь станет свободной, а общество взаимной вражды сменится обществом взаимной любви. «Если мы сможем уничтожить борьбу за собственность и жажду богатства и власти, ликвидировав институты частной собственности и брака, смогут быть устранены 80—90 процентов смертей. Зло и аморальность истекают от общества, не от человека».

Шифу высказывался в пользу коммунистического варианта анархизма: «Анархизм ратует за полную свободу народа, свободного от любого контроля, с ликвидацией всех начальников и

органов власти... А поскольку самым опасным авторитетом в современном мире является капитализм, анархисты являются в то же время социалистами. Социализм выступает за то, чтобы средства производства и их продукты принадлежали обществу». При анархическом коммунизме, по словам Шифу, «все средства производства должны находиться в общественной собственности, но производители, то есть все, должны иметь право свободно брать то, что им необходимо. Это будет бесклассовое общество, в котором все должны будут трудиться. Не будет ни правительства, ни армии, ни полиции, ни тюрем; не станет ни законов, ни регламентов; только группы, свободно организуемые для решения своих задач и для производства с тем, чтобы снабжать людей согласно их потребностям. Не будет института брака. Матери и дети будут на общественном иждивении с рождения. Все дети с 6 до 20 лет получают бесплатное образование. После получения диплома об образовании они будут работать до того, как им исполнится 45—50 лет, и затем будут на иждивении общественных центров... Всякая религия будет ликвидирована, вместо этого будет поощряться полное развитие этики и взаимопомощи. Каждый будет работать от 3 до 4 часов в день; образование будет осуществляться на эсперанто; родные языки постепенно будут ликвидированы». Методами достижения идеала Шифу считал распространение анархистских идей, акты народного сопротивления (бойкот налогов и военной службы, бунты, забастовки и покушения), а «когда время созреет» — мировую революцию, которая «низвергнет правительство, увенчавшись установлением коммунизма». Такая революция, по его мнению, должна была начаться в Европе и России и распространиться затем на Китай [97].

В Гуанчжоу анархисты во главе с Шифу создали первые профсоюзы современного типа в Китае и были организаторами первых забастовок. Таких профсоюзов было около сорока, они действовали главным образом в сфере ремесел и услуг. В марте 1918 г. в Шанхае стала выходить первая газета, целиком посвященная проблемам труда, — «Лаодун» («Труд»). Ее главным редактором был Лян Биньсян — соратник Лю Шифу. Газета призвала китайских трудящихся отметить 1 Мая. В 1918 г. анархисты провели первую в истории Китая первомайскую демонстрацию. Она прошла в Манчжоу (Кантоне), который еще Шифу называл «Барселоной Востока». В 1920 г. первомайская демонстрация состоялась в Шанхае [98].

Анархисты пользовались влиянием и среди трудящихся в ряде городов, в первую очередь, докеров и рикш Ланчжоу и Гонконга⁹⁹. В период 1920—1923 годов в Гуанчжоу действовали рабочие объединения и союзы различной направленности, и анархистское течение, как сообщали в Профинтерн китайские коммунисты, обладало «весьма большой латентной силой». Рабочие, находившиеся под воздействием анархистов, объединялись в Общество взаимопомощи рабочих (ОВР). Некоторые анархисты работали также во Всеобщем рабочем союзе Гуанчжоу, возникшем первоначально в Сингапуре и находившемся под влиянием республиканцев, а также в «нейтральных» профсоюзах. В 1923—1924 годах ОВР постепенно распалось и примыкавшие к нему рабочие союзы стали независимыми или присоединились к Федерации кантонских рабочих союзов [10].

В ноябре 1920 г. студенты-анархисты Хуан Ай, Пан Жэньцюань и другие выходцы из «Первой промышленной школы Хунани» основали в Чанша Общество трудящихся провинции Хунань.

Программа общества включала как профсоюзные, так и политические положения: ПОВЫШЕНИЕ благосостояния и образовательного уровня рабочих, объединение страны, восстановление «национального достоинства» и т.д. В него входили горняки, металлурги, электрики, литейщики, ткачи, лакировщики, вышивальщики, строители, парикмахеры и т.д. В руководство организации, помимо студснтов-анархистов, вошли мастера и администраторы; рабочих в руководящих органах почти не было. Зимой 1920/1921 г. вспыхнули конфликты между Хуан Аем, Пан Жэньцюанем и их единомышленниками, с одной стороны, и начальниками, с другой. Анархисты требовали запретить выступать от имени рабочих «людям, которые не являются рабочими и не обладают рабочим сознанием». Влияние этих непролетарских слоев ощущалось во время стачки в марте 1921 г. против покупки единственной в провинции шелковой текстильной мануфактуры «Хуаши» предпринимателем из другой провинции Цзянсу, которого поддерживали местные власти и военный правитель региона Чжао Хэнти. Выдвинув требование, чтобы на работу принимались только хунаньцы, рабочие фактически поддержали местную буржуазию. Но в то же время выступление показало силу рабочих. После демонстрации с участием тысячи человек начались переговоры при посредничестве лиц, назначенных Чжао.

Компания «Хуаши» включила некоторых лидеров общества в состав Административного совета, однако Хуан и Пан отказались от этого. После урегулирования конфликта они продолжали вести агитацию среди рабочих и принимали участие в акциях по разрушению машин.

13 апреля 1921 г. около двух тысяч человек схватили предпринимателя из Цзянсу и направились к резиденции провинЦИАЛЬНЫХ властей, требуя справедливости. Демонстрация была разогнана, а фабрика закрыта. Военный правитель ПРОВИНЦИИ Чжао пригласил Хуан Ая на переговоры и распорядился его арестовать, а также направил войска, чтобы заставить рабочих вернуться на работу. Но «начальники» продолжали добиваться изгнания «иностранцев» из Цзянсу, и конфликт был улажен только после того, как компания пригласила войти в административный совет одного из ведущих купцов Чанша. Некоторые уступки были сделаны и рабочим, и в начале мая 1921 г. ситуация успокоилась. Хуан Ай был освобожден, однако не удовлетворен. Он заяви встречавшей его толпе сторонников:

«Военные господа и господа финансов должны быть опрокинуты, но их защищает деспотизм ЧИНОВНИЧЕСТВА-ШЭНЬШИ». По случаю Мая Хуан и Пан объявили: «сила масс и организация труда» не имеют ничего общего с политикой.

Результатом этих социальных конфликтов стал стремительный рост общества, в результате чего «начальники» остались в меньшинстве. К концу 1921 г. в обществе было примерно 4—5 тысяч членов, а к маю 1922 г. в него входили уже 20 профсоюзов (горняки, железнодорожники, печатники, монетчики, студенты и т.д.), объединявших 7 тысяч человек. Общество издавало журнал «Лаодун» («Труд»), в котором всласть пропаганда анархо-синдикалистской идеи всеобщей забастовки.

Местные коммунисты во главе с Мао Цзэдуном попытались усилить свое влияние в рабочем движении. Они пригласили Хуана и Пана вступить в «Корпус социалистической молодежи Хунани» и вели речь о союзе между марксизмом и анархизмом. Анархисты, которые вели борьбу с «начальниками», приняли предложение о сотрудничестве, и это позволило коммунистам закрепиться в обществе. Осенью организация была реорганизована: введены обязательные взносы, созданы отделы по пропаганде, организации, связям. Анархисты и коммунисты провели совместное пропагандистское турне среди рабочих соседней провинции Цзянси, где в 1922 г. был образован «Рабочий клуб горняков Аньюаня», быстро превратившийся, впрочем, в оплот коммунистов.

В ноябре 1921 г. делегат общества Ван Гуанхой представлял его на подготовительной встрече конгресса трудящихся Дальнего Востока в Иркутске. Он вернулся в Китай, шокированный нищетой в Советской России и коммунистическим контролем над встречей.

В начале декабря 1921 г. Общество трудящихся Хунани провело крупный митинг протеста против Вашингтонской конференции держав, за которым последовала 11-тысячная антиимпериалистическая манифестация, организованная вместе с другими группами. Наконец 31 декабря 1921 г. на фабрике «Хуаши» вспыхнула забастовка после решения администрации отменить новогоднюю премию. Рабочие потребовали восстановить премии, повысить заработную плату и улучшить условия труда. В руководимой анархистами стачке приняли участие более двух тысяч человек. Рабочие прибегли к актам саботажа: были поломаны станки, выбиты стекла и т.п. 17 января 1922 г. забастовщики направили Хуан Ая и Пан Жэньцюаня для ведения переговоров с губернатором провинции Чжао Хэнти, который, удовлетворив большинство требований бастующих, приказал немедленно отрубить головы Хуан Аю и Пан Жэньцюаню. ОБЩЕСТВО трудящихся Хунани было распущено, а его издания запрещены. Большинство возглавлявших его анархистов бежало в Шанхай. Остатки организации вскоре попали под контроль коммунистов [101].

Анархистская газета «Голос труда» посвятила номер от 1 мая 1922 г. «прямому действию и всеобщей стачке». Присутствие анархистов ощущалось на Первом конгрессе труда, который состоялся в Гуанчжоу в 1922 г., особенно в принятых резолюциях памяти Хуана и Пана (предложена делегатом Общества трудящихся Хунани Чжан Лицзянем), об организации общенациональной федерации рикш и особенно о железнодорожной линии «Юэхань». Последняя из них, внесенная делегатом «Рабочего клуба Сюй Цзяпэна» У Хайтаном, утверждала, что китайское рабочее движение должно оставаться экономическим и не

заниматься политикой [102].

После 1918 г. китайские анархисты нередко действовали совместно с марксистами и сторонниками большевизма. Так, летом 1919 г. Хуан Линшуан, продолжавший дело Шифу, создал в Пекине «Социалистический альянс» вместе с Чэнь Дусю, будущим первым генсеком КПК, и Ли Дачжао, известным как «первый китайский марксист». Официально пекинский кружок оформился в октябре 1920 г.; помимо марксистов Ли Дачжао, Чжан Готао, Ло Чжанлуна и Лю ЖЭНЬЦЗИНА, в него вошли пять анархистов — Хуан Линшуан, Чэнь Джэун, Чжан Богэнь и др. Сотрудничество продолжалось до ноября 1920 г., когда выявились острые, непримиримые разногласия. Ли Дачжао предлагал пойти на уступки анархистам ради сохранения единства, но Чжан Готао и другие настаивали на своем. В конце 1920 г. анархисты вышли из кружка, отвергнув пункт о «диктатуре пролетариата» в предложенном марксистами проекте «временной программы», и марксистская группа была реорганизована в зародыш общенациональной коммунистической организации с чисто большевистской газетой «Коммунист». Центральным пунктом в платформе этой организации было установление «диктатуры пролетариата» и внедрение единообразной дисциплины [103].

В Гуанчжоу социалистический кружок был образован по инициативе советского большевика ГН. Войтинского в сентябре—октябре 1920 г. Помимо представителей Центросоюза, советских коммунистов К.А. Стояновича и ЛА. Перлина, в него входили семь китайских анархистов. На собраниях кружка обсуждалась социалистическая литература, изучалась история рабочего движения. Большинство членов кружка отвергло предложенный Войтинским тезис о диктатуре пролетариата, и кружок был распущен [104].

Разрыв между китайскими анархистами и партийными коммунистами произошло после дискуссий в 1921 г. между ведущим китайским анархистом У Шэнбаси и лидером коммунистов Чэнь Дусю.

Чэнь Дусю уверял, что анархизм невозможен, поскольку «абсолютная свобода» несовместима с существованием организованных групп. Он уверял, что анархисты и большевики стремятся к одной и той же цели — обществу без государства и капиталистов, но утверждал, что для достижения такого строя потребуется централизованная организация, позволяющая завоевать политическую власть. Принуждение неизбежно и действительно для достижения выдвинутой цели, для обеспечения экономического развития и во избежание хаоса, который стал бы неминуемым следствием осуществления тезисов анархистов. У Шэнбай отвечал марксистам, что анархисты отрицают не существование групп, а деспотизм группы над отдельной личностью. Он видел в синдикализме средство как совершить революцию, так и обеспечить послереволюционное устройство. Анархизм, продолжал он, готов употребить силу против социального зла, уничтожить представителей власти и стремится низвергнуть капиталистическое общество, поскольку выступает против любой институционализированной власти и закона, которые неминуемо приводят к угнетению человека человеком. Свобода человека невозможна без свободного общества. Она мыслима лишь в том случае, если законы будут заменены свободным договором на основе народной воли. Между свободой и ассоциацией нет никакого противоречия, поскольку каждый человек может свободно вступать в нее или выходить из нее, доказывал китайский анархист.

У Шэнбай настаивал на том, что люди в современном обществе «отуплены» по причине недостаточных знаний, и возлагал надежды на распространение образования как до, так и после революции. В ответ на утверждения Чэнь Дусю о том, что массы руководствуются эмоциональными мотивами и потому необходим сознательный авангард, У Шэнбай заявлял, что с прогрессом науки разумность людей будет расти, а антисоциальность нравов уменьшаться. Цель революции, подчеркивал он, — не создание нового класса, а ликвидация всех классов; пресловутая «диктатура пролетариата» просто воспроизвела бы снова зло старого общества. Подлинная социальная революция возможна только в рамках добровольной ассоциации убежденных личностей, идущих к вольному коммунистическому обществу [105]

Анархисты критиковали также преследование большевиками их товарищей в России [106].

Несмотря на растущие разногласия между анархистами, которым удавалось сохранять преобладание вплоть до 1925 г., и партийными коммунистами, дебаты до 1922 г. носили еще относительно сдержанный характер. Чэнь Дусю и У. Шэнбай были прежде друзьями. Возможно, многие активисты с обеих сторон надеялись на возможность сотрудничества [107]. Некоторые коммунисты еще продолжали полагать, что анархизм — это завершающая стадия коммунизма. Анархо-коммунист Хуан Линшун участвовал в январе—феврале 1922 г. в организованном Коминтерном в Москве и Петрограде съезде народов Дальнего Востока [108]. Однако в конце 1922 г. произошел окончательный разрыв. Теперь анархисты считали большевиков предателями революции, а режим в СССР — новой формой капитализма.

В большинстве колониальных стран Востока анархистские идеи не получили существенного распространения. Активисты политических и общественных движений сосредоточили свои усилия на борьбе не столько за социальное, сколько за национальное освобождение, то есть за ликвидацию колониального или ПОЛУКОЛОНИАЛЬНОГО господства и за создание новых независимых государств. Они проявляли определенный интерес к методам и формам действий, которые предлагались анархистами, но антигосударственная направленность анархизма отталкивала их. Зато большевизм с его лозунгом о «праве наций на самоопределение» казался многим политическим и профсоюзным деятелям в зависимых странах соответствующим их радикальным представлениям.

В этом отношении характерен пример Индии. Формы борьбы и некоторые идеи анархистов и русских народников оказали влияние на крайне левое крыло индийских революционеров, которые в самом начале XX века создали ряд тайных обществ с целью организации вооруженной борьбы против британского владычества. Колониальные власти нередко называли сторонников этого течения «анархистами», а иногда и они сами использовали это имя [109]. рабочие-эмигранты из Индии, находясь в Северной Америке, сотрудничали с социалистами, анархистами и ИРМ. Индийский анархист Хар Даял и сочувствующий либертарным и социалистическим взглядам Таракнатх Дас сыграли важнейшую роль в создании в 1913 г. в эмиграции в США «Революционной партии» («Гадар»), которая в период Первой мировой войны подняла ряд восстаний против колониальных властей в Индии и британского владычества на Востоке [110]. Представления о будущем обществе после обретения независимости в документах организации не были разработаны. В них говорилось лишь, что она выступает за создание независимой республики. Новое устройство

